

Враг народа

Автор:

Генрик Ибсен

Враг народа

Генрик Ибсен

«Вечер. Небогато, но уютно обставленная гостиная в квартире доктора Стокмана. В правой боковой стене две двери: дальняя ведет в переднюю, а ближайшая – в кабинет доктора. В противоположной стене, прямо против двери в переднюю, дверь в другие комнаты, занимаемые семьей. Посредине той же стены печь, а ближе к переднему плану диван, над которым висит зеркало; перед диваном овальный стол, покрытый скатертью, на столе лампа под абажуром. В задней стене открытая дверь в столовую, где накрыт стол; на нем горит лампа...»

Генрик Ибсен

Враг народа

Пьеса в пяти действиях

Действующие лица

Доктор Томас Стокман, курортный врач.

Фру Стокман, его жена.

Петра, их дочь, учительница.

Эйлиф, Мортен – их сыновья, тринадцати и десяти лет.

Петер Стокман, старший брат доктора, городской Фогт и полицеймейстер, председатель правления курорта и т. д.

Мортен Хиль, приемный отец фру Стокман, владелец кожевенного завода.

Ховстад, редактор «Народного вестника».

Биллинг, сотрудник той же газеты.

Капитан Хорстер.

Аслаксен, владелец типографии.

Участники сходимки: мужчины разных сословий, несколько женщин, школьники.

Действие происходит в приморском городке на юге Норвегии.

Действие первое

Вечер. Небогато, но уютно обставленная гостиная в квартире доктора Стокмана. В правой боковой стене две двери: дальняя ведет в переднюю, а ближайшая – в кабинет доктора. В противоположной стене, прямо против двери в переднюю, дверь в другие комнаты, занимаемые семьей. Посредине той же стены печь, а ближе к переднему плану диван, над которым висит зеркало; перед диваном овальный стол, покрытый скатертью, на столе лампа под абажуром. В задней стене открытая дверь в столовую, где накрыт стол; на нем горит лампа.

Биллинг, с засунутой за ворот салфеткой, сидит у стола в столовой. Фру Стокман стоит возле, потчует гостя ростбифом. Остальные стулья около стола пусты,

сервировка в беспорядке, как после оконченной трапезы.

Фру Стокман. Да, раз вы опоздали на целый час, господин Биллинг, то не взыщите, что ужин холодный.

Биллинг (прожевывая). Очень вкусно... прямо превосходно.

Фру Стокман. Вы ведь знаете, как строго муж соблюдает часы еды...

Биллинг. Для меня это решительно ничего не означает. Пожалуй, даже вкуснее кажется, когда сидишь вот так, в одиночку, и никто тебе не мешает.

Фру Стокман. Да, да, если вам кажется вкусно, то... (Прислушиваясь.) А вот, верно, и Ховстад.

Биллинг. Пожалуй.

Входит городской Фогт Стокман, в пальто, форменной фуражке и с палкой.

Фогт. Низжайшее почтение, невестка.

Фру Стокман (выходя в гостиную). Ах, здравствуйте! Это вы? Как мило, что заглянули.

Фогт. Шел мимо, вот и... (Бросив взгляд в столовую.) Но у вас, как видно, гости.

Фру Стокман (несколько смущенная). Нет, совсем нет, просто случайно. (Быстро.) Не хотите ли закусить за компанию?

Фогт. Я? Нет, покорно благодарю. Горячий ужин – боже избави. Это не для моего желудка.

Фру Стокман. Ну, разок-то...

Фогт. Нет, нет, спасибо, я держусь своего вечернего чая с бутербродами. Оно, в конце концов, здоровее... да и поэкономнее.

Фру Стокман (с улыбкой). Вы не подумайте, что мы с Томасом так уж транжирим.

Фогт. Вы-то нет, невестка. Этого у меня и в уме не было. (Указывая рукой на кабинет доктора.) Его, пожалуй, дома нет?

Фру Стокман. Нет, пошел прогуляться после ужина... с мальчиками.

Фогт. Это считается здоровым? (Прислушиваясь.) Вот, кажется, и он.

Фру Стокман. Нет, едва ли...

Стук в дверь из прихожей.

Пожалуйста!

Входит редактор Ховстад.

Ах, это вы, господин редактор...

Ховстад. Да, извините, меня задержали в типографии. Здравствуйте, господин Фогт.

Фогт (сдержанно кланяясь, суховатым тоном). Господин редактор... Вероятно, по делу?

Ховстад. Отчасти. По поводу одной статьи в газету.

Фогт. Могу себе представить. Мой брат, говорят, весьма плодовитый сотрудник «Народного вестника».

Ховстад. Да, он разрешает себе выступать в «Народном вестнике» с правдивым словом на ту или иную тему.

Фру Стокман (Ховстаду). Но не угодно ли вам... (Указывает на столовую.)

Фогт. Помилуйте! Я отнюдь не ставлю ему в упрек, что он пишет для того круга читателей, в котором ожидает встретить наибольший отклик. Вообще у меня ведь нет никаких личных причин питать неудовольствие против вашей газеты, господин Ховстад.

Ховстад. И я так думаю.

Фогт. В сущности, у нас в городе господствует прекрасный дух терпимости... истинно мирный гражданский дух. И происходит это оттого, что у нас есть большое общее дело... одинаково дорогое всем благомыслящим согражданам.

Ховстад. Наш курорт, да.

Фогт. Именно. Наша грандиозная новая великолепная водолечебница. Увидите, она станет главнейшим жизненным источником города, господин Ховстад. Без сомнения!

Фру Стокман. И Томас то же говорит.

Фогт. Какой необычайный подъем нашего местечка наблюдается за последние годы! Капиталы пошли в оборот, все оживилось. Дома и земельные участки растут в цене с каждым днем.

Ховстад. И число безработных убывает.

Фогт. И это тоже. Расходы по призрению бедных, лежащие на имущие классы, отрадно уменьшаются и уменьшатся еще, если сезон в этом году выдастся вполне благоприятный и съезд гостей будет многочисленным... то есть наплыв больных, которые составляют реноме курорту.

Ховстад. И на это, как я слышал, имеются все виды.

Фогт. Виды весьма многообещающие. Ежедневно поступают запросы о помещениях и тому подобном.

Ховстад. Так статья доктора явится как раз кстати.

Фогт. Он опять написал что-нибудь такое?

Ховстад. Написал-то он еще зимой... статью о курорте; в ней подчеркнуты все благоприятные гигиенические условия нашего местечка. Но я тогда отложил печатание.

Фогт. Ага! Была, вероятно, какая-нибудь загвоздка?

Ховстад. Нет, не потому, но мне казалось, что лучше подождать до середины весны; теперь ведь как раз люди начинают шевелиться, подумывать, где провести лето.

Фогт. Весьма правильно, чрезвычайно правильно, господин Ховстад.

Фру Стокман. Да, уж где коснется курорта, Томас просто неутомим.

Фогт. На то он и курортный врач.

Ховстад. Да он же первый и затеял все.

Фогт. Он? Вот как!.. Да, мне приходится иногда слышать, что есть люди, которые держатся этого мнения. Но я, право, думаю, что и мне тоже принадлежит скромная доля участия в данном предприятии.

Фру Стокман. Томас всегда это говорит.

Ховстад. Да кто же это отрицает, господин Фогт? Вы двинули дело, осуществили его на практике; это всем нам известно. Я говорю только, что идею подал доктор.

Фогт. Да, идей у моего брата в свое время было хоть отбавляй... к сожалению. Но когда доходит до настоящего дела, нужны люди другого закала, господин Ховстад. И, право, я полагал, что, по крайней мере, здесь в доме...

Фру Стокман. Но, дорогой зять...

Ховстад. Помилуйте, господин Фогт.

Фру Стокман. Так подите же закусите немножко, господин Ховстад, а тем временем, верно, и муж придет.

Ховстад. Спасибо... чуточку, пожалуй... (Уходит в столовую.)

Фогт (понижив голос). Замечательно, что эти люди, вышедшие непосредственно из крестьянского сословия, никак не могут отделаться от своей бестактности.

Фру Стокман. Ну, стоит ли обращать внимание! Или вы с Томасом не можете поделить честь по-братски?

Фогт. Казалось бы, так, но не все, как видно, согласны делиться.

Фру Стокман. Ну, что там говорить о других! Вы-то с Томасом ведь отлично ладите. (Прислушиваясь.) Вот теперь, кажется, он. (Идет и отворяет дверь в переднюю.)

Доктор Стокман (смеясь и шумно разоблачаясь в прихожей). Вот тебе еще гость, Катрине! Что, рада? А?.. Милости прошу, капитан Хорстер, повесьте пальто на крючок. Ах да, вы без пальто... Представь себе, Катрине, поймал его на улице и еле затащил к нам!

Капитан Хорстер входит и раскланивается.

(В дверях.) Марш в столовую, мальчуганы. Знаешь, Катрине, они опять голоднехоньки! Сюда, капитан Хорстер, сейчас отведаете такого ростбифа...

(Тащит Хорстера в столовую.)

Эйлиф и Мортен идут туда же.

Фру Стокман. Томас, разве ты не видишь?..

Доктор Стокман (оборачиваясь в дверях). А-а, ты, Петер? (Подходит и протягивает ему руку.) Вот это славно.

Фогт. К сожалению, я должен сейчас уйти...

Доктор Стокман. Вздор, сейчас подадут пунш. Ты ведь не забыла про пунш, Катрине?

Фру Стокман. Конечно, нет. Вода уже кипит. (Уходит в столовую.)

Фогт. И пунш еще!..

Доктор Стокман. Да, усаживайся, вот славно будет.

Фогт. Спасибо, я никогда не участвую в пирушках...

Доктор Стокман. Да какая же это пирушка!

Фогт. Однако... (Смотрит в столовую.) Удивительно, как это они могут поглощать столько!

Доктор Стокман (потирая руки). Просто любо-дорого смотреть, как молодежь ест! Всегда у них аппетит! Так оно и следует. Им надо есть! Набираться сил! Вот кому предстоит месить опару будущего, Петер.

Фогт. Смееу спросить, как это «месить»... как ты выражаешься?

Доктор Стокман. А это ты спроси у молодежи... когда придет время. Мы-то, разумеется, этого уж не увидим. Само собой. Два таких старых хрыча, как мы с тобой...

Фогт. Ну-ну, однако! Крайне странная манера выражаться...

Доктор Стокман. Э, не ставь мне всякое лыко в строку, Петер. Надо тебе сказать... у меня так весело, приятно на душе. Чувствую себя невыразимо счастливым среди этой пробуждающейся, брызжущей изо всех пор молодой жизни. Это, право же, чудесное время, в которое мы живем! Вокруг нас как будто расцветает целый мир.

Фогт. В самом деле? Ты находишь?

Доктор Стокман. Тебе-то, конечно, это не так заметно, как мне. Ты всю жизнь прожил тут, в этих условиях, и впечатлительность у тебя притупилась. А я столько лет пробыл там, на севере, в захолустье, где почти не видать свежего человека, от которого можно было бы услышать живое слово, что на меня теперь все это производит такое впечатление, как будто я очутился в самом водовороте мирового города.

Фогт. Гм... мирового города...

Доктор Стокман. Ну, понятно, я знаю – условия жизни здесь мизерны в сравнении с многими другими местами. Но и здесь кипит жизнь с ее упованиями, с бесчисленным множеством задач, ради которых стоит работать, бороться, а это главное. (Кричит.) Катрине, почтальона не было?

Фру Стокман (из столовой). Нет, никого не было.

Доктор Стокман. И потом хороший заработок, Петер! Вот что научишься ценить, пожив, как мы, впроголодь...

Фогт. Помилуй...

Доктор Стокман. Да, да, поверь, нам не раз приходилось крутенько. А теперь живем, как помещики! Сегодня, например, у нас за обедом был ростбиф. Еще и

на ужин осталось. Не отведаешь ли кусочек? Или дай хоть показать тебе его...
Поди сюда...

Фогт. Нет, нет, ни в коем случае...

Доктор Стокман. Ну, так поди же сюда. Видишь, мы обзавелись скатертью?

Фогт. Да, заметил.

Доктор Стокман. И абажуром. Видишь? Все Катрине сэкономила. И комната сразу стала уютнее. Как ты находишь? Стань-ка вон там... нет, нет, не так. Ну вот, теперь так. Видишь, когда оттуда падает такой яркий свет, право, гостиная выходит преэлегантной. А?

Фогт. Да, если можно позволить себе такого рода роскошь...

Доктор Стокман. О да, теперь-то можно. Катрине говорит, что я зарабатываю почти как раз столько, сколько нам нужно на жизнь.

Фогт. Почти – да!

Доктор Стокман. Но человек науки ведь и вправе жить немножко пошире. Я уверен, что простой амтман тратит в год куда больше моего.

Фогт. Еще бы! Амтман, высшее административное лицо...

Доктор Стокман. Ну, так скажем – простой коммерсант. Этот народ живет еще куда шире.

Фогт. Таковы условия жизни.

Доктор Стокман. В конце концов и я, право, не трачу денег зря, Петер. Но не лишать же мне себя истинного удовольствия – принимать у себя людей. Мне это, видишь ли, прямо необходимо. Столько лет я просидел там в глуши отшельником. Теперь для меня стало насущной потребностью общение с молодыми, смелыми, бодрыми людьми, свободомыслящими, полными жажды деятельности... А вон те там, что сидят и едят на доброе здоровье, как раз

такого сорта. Мне бы хотелось, чтоб ты поближе узнал Ховстада...

Фогт. Ах да, Ховстад сказал, что опять собирается напечатать какую-то твою статью.

Доктор Стокман. Мою статью?

Фогт. Да, о курорте. Статью, что ты писал еще зимой.

Доктор Стокман. Ах, ту... да! Но ее я пока не хочу пускать.

Фогт. Нет? А по-моему, теперь как раз самое подходящее время.

Доктор Стокман. Да, это так, положим, при обыкновенных обстоятельствах...
(Ходит по комнате.)

Фогт (следит за ним взглядом). А что же такого экстраординарного в данных обстоятельствах?

Доктор Стокман (останавливаясь). Видишь, Петер, я, честное слово, не могу пока сказать тебе этого. Во всяком случае, не сегодня. Пожалуй, в данных обстоятельствах и много необыкновенного, а может, и ровно ничего. Весьма возможно, что все это одно воображение.

Фогт. Признаюсь, это в высшей степени загадочно. Предвидится что-нибудь неприятное, что хотят скрыть от меня? Полагал бы, однако, что в качестве председателя правления курорта....

Доктор Стокман. А я полагал бы, что в качестве... Ну ладно, не вцепляться же нам друг другу в волосы, Петер.

Фогт. Боже избави. У меня нет этой привычки вцепляться в волосы, как ты выражаешься. Но я должен неукоснительнейше настаивать на том, чтобы все мероприятия ставились на обсуждение по-деловому и проводились установленным порядком через законные власти. Я не могу допустить никаких обходов или подходов с заднего крыльца.

Доктор Стокман. Разве я когда-нибудь прибегал к обходам или подходам?

Фогт. Во всяком случае, у тебя врожденная склонность ходить своими особыми путями, а это в благоустроенном обществе почти столь же недопустимо. Отдельному человеку приходится, в самом деле, подчиняться интересам целого или, вернее, подчиняться властям, кои стоят на страже общего блага.

Доктор Стокман. Весьма возможно. Но мне-то кой черт до этого?

Фогт. Да вот этого-то как раз ты, милый Томас, по-видимому, и не желаешь себе усвоить. Но смотри, тебе еще когда-нибудь придется поплатиться за это, рано или поздно. Так и знай. Прощай.

Доктор Стокман. Да ты просто спятил! Не туда заехал...

Фогт. Ну, этого со мной не бывает. И вообще я просил бы избавить меня... (Кланяясь по направлению столовой.) Прощайте, невестка. Прощайте, господа. (Уходит.)

Фру Стокман (входя в комнату). Ушел?

Доктор Стокман. Да. Совсем взбеленился.

Фру Стокман. Чем это ты опять рассердил его, милый Томас?

Доктор Стокман. Да ровно ничем. Не может же он требовать, чтобы я давал ему отчет... прежде времени.

Фру Стокман. А какого же отчета он от тебя требовал?

Доктор Стокман. Гм... предоставь это мне, Катрине... Удивительно, что почтальона все нет.

Ховстад, Биллинг и Хорстер встают из-за стола и входят в гостиную. Немного погодя за ними следуют Эйлиф и Мортен.

Биллинг (потягиваясь). А-а! Убей меня бог... после такого ужина чувствуешь себя прямо новым человеком.

Ховстад. А Фогт, кажется, был не в духе сегодня?

Доктор Стокман. Это все от желудка. Плохо варит у него.

Ховстад. Особенно плохо, пожалуй, переваривает нас с «Народным вестником».

Фру Стокман. Вы-то, кажется, ничего... довольно мирно разошлись с ним.

Ховстад. Да, но это только так... вроде перемирия.

Биллинг. Верно! Это слово исчерпывает положение.

Доктор Стокман. Не надо забывать, что Петер человек одинокий, бедняга. Нет у него семьи, домашнего уюта; все только дела, дела. А потом эта треклятая чайная водица, которую он вечно лакает. Эй вы, мальчуганы! Подвигайте-ка стулья. Катрине, дадут нам сюда пуншу?

Фру Стокман (направляясь в столовую). Сейчас подам.

Доктор Стокман. Вы со мной на диван, капитан Хорстер. Такой редкий гость!.. Пожалуйста, садитесь, друзья.

Мужчины садятся к столу. Фру Стокман приносит поднос с кипятивником, стаканами, графинами и прочими принадлежностями.

Фру Стокман. Ну вот: тут и арак, и ром, и коньяк. Теперь пусть каждый сам себя угощает. (Отходит.)

Доктор Стокман (берет стакан). Сумеет. (Приготавливает пунш.) И сигары сюда! Эйлиф, ты, небось, знаешь, где стоит ящик. А ты, Мортен, принеси мою трубку.

Мальчики убегают в комнату направо.

Я подозреваю, что Эйлиф иной раз таскает у меня сигары, но и виду не подаю. (Кричит.) Дай мне и шапочку мою, Мортен!.. Катрине, может быть, ты скажешь ему, куда я ее девал? А, он уже нашел ее!

Мальчики приносят все, что было велено.

Сделайте одолжение, друзья! Я, вы знаете, держусь своей трубки. Вот эта самая не раз странствовала со мной там по северу во всякую погоду и непогоду. (Чокаясь.) Ваше здоровье! А-а!.. Да, оно куда приятнее сидеть тут в тепле и уюте.

Фру Стокман (занимаясь вязаньем). Вам скоро опять в путь, капитан Хорстер?

Хорстер. На будущей неделе, я думаю, будем готовы.

Фру Стокман. В Америку?

Хорстер. Да, по-видимому.

Биллинг. Так вам, значит, не удастся принять участие в местных выборах.

Хорстер. Разве предстоят новые выборы?

Биллинг. А вы не знаете?

Хорстер. Нет, я в эти дела не мешаюсь.

Биллинг. Но вы же интересуетесь общественными делами?

Хорстер. Нет, я в них ничего не понимаю.

Биллинг. Все-таки; надо, по крайней мере, участвовать в подаче голосов.

Хорстер. Даже тем, кто ничего в этих делах не смыслит?

Биллинг. Смыслит? То есть что вы хотите сказать? Общество – тоже вроде корабля. Весь экипаж должен участвовать в управлении им.

Хорстер. Быть может, так полагается на суше, а на корабле из этого ничего путного не вышло бы.

Ховстад. Странно, как мало моряки в большинстве случаев интересуются делами страны.

Биллинг. Просто удивительно.

Доктор Стокман. Моряки – что птицы перелетные. Они везде дома – и на юге и на севере. Зато тем энергичнее надо действовать нам, остальным, господин Ховстад. Не появится ли завтра в «Народном вестнике» чего-нибудь такого общественно полезного?

Ховстад. По части городских дел – ничего. Но послезавтра я полагал пустить вашу статью...

Доктор Стокман. Ах, черт, мою статью! Нет, слушайте, вам придется подождать с ней.

Ховстад. Разве? А у нас и место сейчас есть, да и время, мне казалось, самое подходящее...

Доктор Стокман. Да, да, оно, пожалуй, так, но все-таки вам придется пообждать. Потом я вам объясню...

Из передней входит Петра в шляпе и пальто, с тетрадями под мышкой.

Петра. Здравствуйте.

Доктор Стокман. Здравствуй, Петра. И ты пришла?

Обмен поклонами. Петра складывает свои вещи и тетради на стул у дверей.

Петра. Вы вот тут сидите себе, угощаетесь, а я все на ногах, за работой...

Доктор Стокман. Ну, теперь и ты присаживайся, угощайся.

Биллинг. Приготовить вам стаканчик?

Петра (подходя к столу). Спасибо, я лучше сама. Вы всегда готовите слишком крепко. Ах да, отец, у меня есть письмо тебе. (Идет к стулу, где лежат ее вещи.)

Доктор Стокман. Письмо? От кого?

Петра (ища в кармане пальто). Почтальон мне отдал... как раз когда я выходила из дому...

Доктор Стокман (встает и идет к ней). И ты сейчас только собралась отдать?

Петра. Но, право же, мне некогда было снова подниматься вверх. Изволь.

Доктор Стокман (хватая письмо). Посмотрим, посмотрим, дочка. (Глядит на адрес.) Да, да, совершенно верно!

Фру Стокман. Это самое ты так ждал, Томас?

Доктор Стокман. Именно. Надо сейчас же пойти... Где бы взять свечу? Катрине! Опять в моей комнате нет лампы?

Фру Стокман. Как же, горит у тебя на письменном столе.

Доктор Стокман. Хорошо, хорошо. Извините меня, на минутку. (Уходит в комнату направо.)

Петра. Что это может быть такое, мама?

Фру Стокман. Не знаю. Последнее время он то и дело спрашивал, не было ли чего с почты.

Биллинг. Вероятно, иногородний пациент...

Петра. Бедный отец! Скоро его совсем завалят работой. (Приготавливает себе пунш.) Вот вкусно-то будет!

Ховстад. У вас и сегодня были занятия в вечерней школе?

Петра (отхлебывая). Два часа.

Биллинг. Да утром четыре часа в институте?..

Петра (присаживаясь к дверям). Пять.

Фру Стокман. А вечером предстоит еще поправлять тетрадки, как вижу.

Петра. Целую кипу.

Хорстер. И вы, по-видимому, совсем завалены работой.

Петра. Да, но это хорошо. Такая славная усталость потом...

Биллинг. А вам это нравится?

Петра. Да, так крепко спится зато.

Мортен. Ты, верно, ужасная грешница, Петра?

Петра. Грешница?

Мортен. Ну да... что работаешь так много. Господин Рерлун говорит, что работа – это наказание за наши грехи.

Эйлиф (презрительно фыркает). Какой ты глупый, что веришь этому!

Фру Стокман. Ну-ну, Эйлиф!

Биллинг (смеясь). Нет, это чудесно!

Ховстад. А тебе не хочется так много работать, Мортен?

Мортен. Нет.

Ховстад. Кем же хотелось бы тебе быть?

Мортен. Лучше всего викингом.

Эйлиф. Так ведь тебе бы пришлось быть язычником!

Мортен. Ну и пусть бы я был язычником.

Биллинг. Я с тобой согласен, Мортен! Скажу то же самое.

Фру Стокман (делая знак ему). Ну, конечно, нет, господин Биллинг!

Биллинг. Убей меня бог!.. Я и в самом деле язычник и горжусь этим. Увидите, скоро мы все будем язычниками.

Мортен. И тогда можно будет делать все, что захочется?

Биллинг. То есть, видишь ли, Мортен...

Фру Стокман. Подите-ка теперь к себе, мальчуганы, у вас, верно, еще не все уроки готовы на завтра.

Эйлиф. Мне-то еще можно было бы посидеть...

Фру Стокман. Нет, и тебе нельзя. Ступайте оба.

Мальчики прощаются и уходят в комнату налево.

Ховстад. Так вы полагаете, что мальчикам вредно слушать такие разговоры?

Фру Стокман. Уж не знаю, но мне это не по душе.

Петра. Ну, мама, это, право, совсем нелепо.

Фру Стокман. Может быть. Но раз мне не по душе?.. По крайней мере не у нас дома.

Петра. Столько неправды и дома и в школе. Дома надо молчать, а в школе нам приходится прямо лгать детям.

Хорстер. Вам приходится лгать?

Петра. Или вы думаете, нам не приходится учить их многому, во что мы сами не верим?

Биллинг. Это уж вернее верного.

Петра. Будь только у меня средства, я бы открыла свою школу и там бы все иначе поставила.

Биллинг. Ну, какие там средства!..

Хорстер. Если вам так этого хочется, фрекен Стокман, то помещение я могу вам предоставить. Старый большой дом покойного отца стоит почти пустой. В нижнем этаже огромная зала...

Петра (смеясь). Да, да, спасибо вам. Только вряд ли что-нибудь выйдет из этого.

Ховстад. Нет, фрекен Петра скорее, кажется, перейдет в наш лагерь – газетных работников. Ах да, успели ли вы просмотреть английский рассказ, который обещали перевести для нашей газеты?

Петра. Нет еще, но не бойтесь – получите вовремя.

Доктор Стокман (выходит из кабинета, размахивая распечатанным конвертом). Ну, господа, вот так новость для города!

Биллинг. Новость?

Фру Стокман. Какая же новость?

Доктор Стокман. Большое открытие, Катрине!

Ховстад. Да?

Фру Стокман. И это ты его сделал?

Доктор Стокман. Именно. (Расхаживая по комнате.) Пусть-ка теперь по обыкновению скажут, что все это одни пустые выдумки да сумасбродные затеи! Небось, остерегутся! Ха-ха! Остерегутся, я думаю!

Петра. Да скажи же, в чем дело, отец!

Доктор Стокман. Дай срок, дай срок, все узнаете. Ах, будь тут сейчас Петер! Да, вот и видно, как мы, люди, можем иногда быть слепы... словно кроты.

Ховстад. Что вы, собственно, хотите сказать, господин доктор?

Доктор Стокман (останавливаясь у стола). Не все ли здесь того мнения, что наш городок – здоровое место?

Ховстад. Само собой понятно.

Доктор Стокман. Даже необычайно здоровое место... которое следует усерднейшим образом рекомендовать и больным и здоровым.

Фру Стокман. Но, милый Томас...

Доктор Стокман. Мы так и делали... рекомендовали, расхваливали. Я писал и в «Народном вестнике», и в брошюрах...

Ховстад. Ну да, и что же?

Доктор Стокман. Затем у нас есть водолечебница, называемая и главной артерией, и жизненным нервом города, и черт знает еще чем!..

Биллинг. «Бьющимся сердцем города»... как я раз выразился при одном торжественном случае...

Доктор Стокман. Ну вот, вот. А знаете ли вы, что такое, в сущности, эта грандиозная, великолепная хваленая водолечебница, стоившая таких громадных денег, знаете ли вы, что она такое?

Ховстад. Нет. Что же она такое?

Фру Стокман. Ну, что же она?..

Доктор Стокман. Заразная яма.

Петра. Водолечебница, отец!

Фру Стокман (одновременно). Наша водолечебница!

Ховстад (так же). Но, доктор...

Биллинг. Прямо невероятно!

Доктор Стокман. Вся водолечебница – повапленный гроб, полный заразы! Опасность для здоровья – сильнейшая! Вся эта мерзость из Мельничной долины... вся эта вонючая гадость... заражает воду, которая идет по водопроводным трубам в здание, где пьют воды. И эта же ядовитая дрянь просачивается на берегу...

Хорстер. Где морские купанья?

Доктор Стокман. Именно.

Ховстад. Откуда у вас такая уверенность, господин доктор?

Доктор Стокман. Я изучил все условия самым добросовестным образом. О, я долго носился с этим подозрением. В прошлом году у нас были какие-то странные, необъяснимые заболевания среди приезжих больных... тифозные и гастрические случаи...

Фру Стокман. Да, да, были, были.

Доктор Стокман. Мы тогда полагали, что гости привезли заразу с собой. Но потом... зимою... я стал смотреть на дело иначе. И принялся исследовать воду, насколько было возможно.

Фру Стокман. Так вот с чем ты так возился!

Доктор Стокман. Да, уж можно сказать, повозился, Катрине! Но где тут достать все нужные приборы и прочие приспособления? Вот я и послал пробы и питьевой воды и морской в университет для точного химического анализа.

Ховстад. И теперь получили его?

Доктор Стокман (показывая письмо). Вот!.. Констатировано содержание гнилостных органических веществ в воде... масса бактерий. Так что вода эта безусловно вредна для здоровья... и при внутреннем и при наружном

употреблении.

Фру Стокман. Вот счастье, что ты вовремя открыл это!

Доктор Стокман. Что и говорить!

Ховстад. Что же вы намерены теперь делать, доктор?

Доктор Стокман. Разумеется, постараться поправить дело.

Ховстад. Так это возможно?

Доктор Стокман. Необходимо. Не то вся лечебница пропала, погибла. Но этого нечего бояться. Я вполне уяснил себе, что именно следует предпринять.

Фру Стокман. Но как это ты держал все в таком секрете, милый Томас?

Доктор Стокман. А что же мне было – рыскать по городу да болтать прежде, чем я вполне убедился? Нет, спасибо, я не такой дурак.

Петра. Ну, нам-то, домашним...

Доктор Стокман. Ни единой душе. Но завтра можешь забежать к «барсуку»...

Фру Стокман. Ах, Томас!..

Доктор Стокман. Ну-ну, скажем, к дедушке. Вот удивится старик! Он ведь считает меня полоумным. Да и не он один, а многие, как я успел заметить. Ну, теперь эти добрые люди увидят... Покажу я им... (Ходит по комнате, потирая руки.) Вот кутерьма-то поднимется в городе, Катрине! Представить себе не можешь. Всю водопроводную сеть придется перекладывать заново!

Ховстад. Всю сеть?..

Доктор Стокман. Само собой. Приемник лежит слишком низко, – надо перенести его значительно выше.

Петра. Значит, ты был прав тогда!

Доктор Стокман. Да, ты помнишь, Петра? Я писал тогда, протестовал... когда они еще только приступали к прокладке. Но никто меня слушать не хотел. Ну и задам же я им теперь!.. Я ведь, естественно, составил целый доклад правлению курорта. Уже с неделю готов у меня. Я только дожидался этого письма. А теперь сейчас же отправлю доклад. (Уходит к себе и затем возвращается с небольшой пачкой исписанных листков.) Вот! Целых четыре мелко исписанных листа! И письмо это приложу... Газету, Катрине! Дай во что завернуть... Хорошо. Вот так. Отдай это... э-э... (Топнув ногой.) Ну, черт, как ее там зовут?.. Отдай, словом, девушке и вели сейчас же снести к Фогту.

Фру Стокман уходит с пакетом через столовую.

Петра. А что, по-твоему, скажет дядя Петер, отец?

Доктор Стокман. Он-то что скажет? Да, ему, верно, останется только радоваться обнаружению такой важной истины.

Ховстад. Вы позволите поместить в «Народном вестнике» маленькую заметку о вашем открытии?

Доктор Стокман. И еще спасибо вам скажу.

Ховстад. Желательно ведь, чтобы публика узнала об этом возможно скорее.

Доктор Стокман. Без сомнения.

Фру Стокман (возвращается). Девушка пошла.

Биллинг. Убей меня бог, если вы не будете у нас первым человеком в городе, господин доктор!

Доктор Стокман (весело прохаживаясь по комнате). Э, что там! В сущности, я ведь только исполнил свой долг. Мне посчастливилось откопать клад, вот и все. Но, конечно...

Биллинг. Ховстад, как по-вашему, не следует ли городу почтить доктора Стокмана процессией с флагами?

Ховстад. Во всяком случае, я подниму этот вопрос.

Биллинг. А я поговорю насчет этого с Аслаксеном.

Доктор Стокман. Нет, друзья мои, бросьте свои затеи. Я знать не хочу никаких таких фокусов. И если бы правлению курорта вздумалось прибавить мне по этому случаю жалованья, я не приму. Слышишь, Катрине, – не приму.

Фру Стокман. И хорошо сделаешь, Томас.

Петра (поднимая стакан). За здоровье отца!

Ховстад и Биллинг. За ваше здоровье, господин доктор!

Хорстер (чокаясь с доктором). Дай вам бог удачи!

Доктор Стокман. Спасибо, спасибо, дорогие друзья. Я сердечно рад... Отраднo ведь сознавать, что сослужил службу своему родному городу и своим согражданам. Ура, Катрине! (Обвивает ее шею руками и кружится с ней по комнате.)

Фру Стокман вскрикивает и отбивается. Общий смех, хлопанье в ладоши и крики «ура» в честь доктора. Мальчики высовывают головы из дверей.

Действие второе

Та же комната. Дверь в столовую затворена. Утро.

Фру Стокман (с запечатанным письмом в руке выходит из столовой, идет к двери первой комнаты направо и заглядывает туда). Ты дома, Томас?

Доктор Стокман (из кабинета). Только что вернулся. (Входит.) Что-нибудь есть?

Фру Стокман. Письмо от твоего брата. (Передает ему письмо.)

Доктор Стокман. Ага! Посмотрим. (Вскрывает и читает.) «Возвращая при сем присланную рукопись...» (Бормочет вполголоса, читая дальше.) Гм...

Фру Стокман. Что же он пишет?

Доктор Стокман (пряча письмо в карман). Да ничего, кроме того, что сам зайдет около полудня.

Фру Стокман. Так ты смотри, не забудь – оставайся дома.

Доктор Стокман. Можно. Я уже закончил свои утренние визиты.

Фру Стокман. Ужасно любопытно узнать, как он это примет.

Доктор Стокман. Увидишь, ему не очень-то по вкусу придется, что это я открыл, а не он сам.

Фру Стокман. Так и ты этого боишься?

Доктор Стокман. Ну, в сущности, ему это будет на руку, понимаешь? Но все-таки... Петер так и трясется, как бы кто другой, кроме него, не оказался полезным городу.

Фру Стокман. Но знаешь что, Томас? В таком случае... будь умницей и подели с ним честь пополам. Нельзя разве представить дело так, будто он навел тебя на мысль?..

Доктор Стокман. Да по мне все едино. Только бы как-нибудь поправить самое дело, а там...

Старый Мортен Хиль (высовывает голову из дверей передней, пытливо озирается, посмеивается про себя и затем лукаво спрашивает). Это правда?

Фру Стокман (идя к нему). Отец... ты!

Доктор Стокман. Да неужели тесть? Здравствуйте, здравствуйте!

Фру Стокман. Войди же.

Мортен Хиль. Если правда – ладно, а то уйду.

Доктор Стокман. Да что правда-то?

Мортен Хиль. Эта ерунда с водопроводом. Правда, что ли?

Доктор Стокман. Разумеется, правда. Но вы-то как узнали?

Мортен Хиль (входя). Петра забежала ко мне по дороге в школу...

Доктор Стокман. Да ну?

Мортен Хиль. Да-а. И рассказала... Я было подумал, не морочит ли она меня... да нет, не похоже на нее.

Доктор Стокман. Ну как вы могли подумать!

Мортен Хиль. О, верить никому нельзя, – оглянуться не успеешь, как в дураках останешься... Так это все-таки правда?

Доктор Стокман. Совершенная правда. Да присядьте вы, тесть! (Усаживает его на диван.) Вот счастье для города, не правда ли?..

Мортен Хиль (едва удерживаясь от смеха). Счастье для города?

Доктор Стокман. Ну да, что я сделал это открытие вовремя...

Мортен Хиль (по-прежнему). Да, да, да! Но вот никогда бы не подумал, что вы сыграете такую шутку с родным братом.

Доктор Стокман. Шутку?..

Мортен Хиль (опираясь подбородком на руки, сложенные на набалдашнике трости, и лукаво подмигивает доктору). В чем, бишь, дело? В водопроводных трубах завелись этикие козявки?

Доктор Стокман. Да, бактерии.

Мортен Хиль. И страсть сколько их там развелось, говорит Петра. Тьма-тьмущая?

Доктор Стокман. Да, да, пожалуй, сотни тысяч.

Мортен Хиль. И видеть их никто не видит – так, что ли?

Доктор Стокман. Да, видеть их нельзя.

Мортен Хиль (смеясь тихим клопочущим смешком). Лучше этого, черт меня побери, я еще не слыхивал от вас.

Доктор Стокман. То есть... как это понять?

Мортен Хиль. Только вам никогда в жизни не втемяшить этого Фогту.

Доктор Стокман. Ну, это мы увидим.

Мортен Хиль. Или вы думаете, он так глуп?

Доктор Стокман. Я думаю, что весь город будет так глуп.

Мортен Хиль. Весь город! Да, чего доброго, право слово! Но так им и надо, так и надо. Хотели быть умнее нас, стариков. Выпихнули меня из правления. Да, да, выпихнули, как собаку! Забаллотировали! Так вот же им! Сыграйте с ними шутку, Стокман!

Доктор Стокман. Но послушайте же, тесть...

Мортен Хиль. Сыграйте шутку, говорю вам. (Встает.) Коли вам удастся посадить Фогта с его друзьями в лужу, я сию же минуту дам сто крон в пользу бедных.

Доктор Стокман. А, это очень мило с вашей стороны.

Мортен Хиль. Да, вы понимаете, мне не из чего особенно раскошелиться, но, коли вам это удастся, уж не пожалею раздать бедным к рождеству с полсотенки.

Из передней входит Ховстад.

Ховстад. Здравствуйте! (Остановившись.) Ах, извините...

Доктор Стокман. Ничего, входите, входите.

Мортен Хиль (опять с тем же смехом). И он! И он заодно?

Ховстад. То есть в каком смысле?

Доктор Стокман. Разумеется, заодно.

Мортен Хиль. Так я и думал! Пойдет в газеты. И ловкач же вы, Стокман! Ну, налаживайте дело, а я себе пойду.

Доктор Стокман. Да посидите вы, тесть.

Мортен Хиль. Нет, пойду теперь. А вы хорошенько их, хорошенько. Не бойтесь, в накладе не останетесь. (Уходит.)

Фру Стокман провожает его.

Доктор Стокман (смеясь). Представьте себе, старик ни слову не верит насчет водопровода.

Ховстад. Так он насчет этого?..

Доктор Стокман. Да, мы об этом с ним толковали. И вы, пожалуй, по этому же поводу пришли?

Ховстад. Да, да. Можете уделить мне минутку-другую, господин доктор?

Доктор Стокман. Сколько угодно, дорогой мой.

Ховстад. Что-нибудь слышали уже от Фогта?

Доктор Стокман. Нет еще. Сам потом зайдет.

Ховстад. Я таки пораздумал со вчерашнего вечера над этим делом.

Доктор Стокман. Ну?

Ховстад. Для вас, как врача и человека науки, этот случай с водопроводом нечто такое – само по себе. Я хочу сказать, вам не приходит на ум, что дело это находится в самой тесной связи с многими другими вопросами?

Доктор Стокман. То есть как это? Присядемте, дорогой мой... Нет, на диван.

Ховстад садится на диван, доктор – в кресло по другую сторону стола.

Ну? Так вы, значит, полагаете...

Ховстад. Вы говорили вчера, что причина порчи воды – загрязненность почвы.

Доктор Стокман. Да, без сомнения, источник зла – заразное болото в Мельничной долине.

Ховстад. Извините, господин доктор, а я думаю, источник совсем в ином болоте.

Доктор Стокман. Что же это за болото?

Ховстад. Болото, в котором погрязло и гниет все наше городское общественное самоуправление.

Доктор Стокман. Однако, черт побери, господин Ховстад, куда вы хватили!

Ховстад. Все городские дела мало-помалу забрала в свои руки кучка чиновников...

Доктор Стокман. Ну, не все же они чиновники.

Ховстад. Нет, но те, которые сами не чиновники, во всяком случае, друзья и сторонники чиновников. Это все богатые люди, люди, принадлежащие к старинным, именитым фамилиям города. Вот кто правит нами.

Доктор Стокман. Да, но они ведь, по правде сказать, способные, дельные люди.

Ховстад. Доказательство этому – прокладка водопровода там, где они его проложили?

Доктор Стокман. Нет, это, само собой, с их стороны была большая глупость. Но ведь она будет исправлена.

Ховстад. Вы думаете... не будет никаких зацепок?

Доктор Стокман. Будут они или не будут, а дело должно быть сделано во всяком случае.

Ховстад. Да, если пресса возьмется за него.

Доктор Стокман. Не будет нужды, дорогой мой. Я уверен, что брат мой...

Ховстад. Извините, господин доктор, но я хочу вас предупредить, что намерен серьезно взяться за это дело.

Доктор Стокман. В газете?

Ховстад. Да. Когда я принял «Народный вестник», у меня было намерение во что бы то ни стало прорвать этот заколдованный круг старых упрямых мумий, которые забрали себе всю власть.

Доктор Стокман. Но вы сами же рассказывали мне, чем это кончилось. Вы едва не погубили газету.

Ховстад. Да, тогда пришлось сложить оружие, это совершенно верно. Тогда можно было опасаться, что курорта не создать, если те люди падут. Но теперь он создан, и без этих знатных господ можно обойтись.

Доктор Стокман. Обойтись – да, но мы все-таки многим обязаны им.

Ховстад. Им и будет воздана должная честь. Но публицист-демократ, как я, не может упустить такого случая. Надо пошатнуть эту басню насчет непогрешимости законов. Это суеверие надо искоренить, как всякое другое.

Доктор Стокман. Насчет этого я согласен с вами от всей души, господин Ховстад; если это суеверие, то долой его.

Ховстад. Мне не очень хотелось бы задевать Фогта – он ваш брат. Но и вы, верно, того же мнения, что истина прежде всего.

Доктор Стокман. Само собой, само собой... (С жаром.) Но все же!.. Все же!..

Ховстад. Вы не перетолкуйте моих побуждений в дурную сторону. Я не своекорыстнее и не честолюбивее большинства людей.

Доктор Стокман. Но, дорогой мой... кому же это придет в голову?

Ховстад. Я из простого звания, как вы знаете, и имел-таки возможность узнать главные нужды низших слоев общества, а это важно, чтобы принимать участие в управлении общественными делами, господин доктор. Это развивает и способности, и знания, и чувство личного достоинства.

Доктор Стокман. Я это отлично понимаю...

Ховстад. Да, и вот мне кажется, что упустить удобный случай поднять и освободить народ, малых сих, униженных и угнетенных, – большой грех для журналиста. Я хорошо знаю, что в лагере сильных это назовут подстрекательством с моей стороны и тому подобными именами, но пусть их... Лишь бы совесть у меня была чиста...

Доктор Стокман. Именно! Именно так, милейший господин Ховстад. Но все-таки... черт!..

Стучат.

Войдите!

В дверях передней показывается Аслаксен. Одет скромно, но прилично, в черной паре, в белом, несколько помятом галстуке, в перчатках и с цилиндром в руках.

Аслаксен (кланяясь). Прошу прощения, господин доктор, что взял на себя смелость...

Доктор Стокман (встает). Глядите-ка, да ведь это хозяин типографии Аслаксен!

Аслаксен. Я самый, господин доктор.

Ховстад. Вы не за мной ли, Аслаксен?

Аслаксен. Нет, я не знал, что застаю вас тут. Мне, собственно, с самим доктором...

Доктор Стокман. Чем могу быть полезен?

Аслаксен. Правда ли, что я слышал от господина Биллинга... будто господин доктор задумал выхлопотать нам водопровод получше?

Доктор Стокман. Да, для водолечебницы.

Аслаксен. Так, так, понимаю. Так вот я и пришел сказать, что это дело я готов поддерживать всеми силами.

Ховстад (доктору). Видите?

Доктор Стокман. Сердечное вам спасибо за это, но...

Аслаксен. Потому что вам, пожалуй, не лишнее будет иметь за собою нас, мелких обывателей. Мы составляем тут в городе в некотором роде сплоченное большинство... когда захотим, то есть. А всегда хорошо иметь за собой большинство, господин доктор.

Доктор Стокман. Бесспорно; но только я не могу себе представить, чтобы тут понадобились какие-нибудь особые меры. Мне кажется, самое дело столь просто и ясно...

Аслаксен. Ну-у, все-таки, пожалуй, не лишнее; я ведь хорошо знаю наших местных заправил. Власть имущие не больно-то охотно сдаются на предложения, которые идут не от них самих. Вот я и думаю, что не мешало бы нам устроить маленькую демонстрацию.

Ховстад. Вот-вот, именно.

Доктор Стокман. Демонстрацию, вы говорите? Да какую же, собственно?

Аслаксен. Разумеется, весьма умеренную, господин доктор; я всегда за умеренность, потому что умеренность – первая добродетель гражданина... насколько я, то есть, понимаю.

Доктор Стокман. Вы и славитесь этим, господин Аслаксен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ibsen_genrik/vrag-naroda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)